

**«Марокканские письма» Х. Кадальсо:
европеизм, ориентализм, полифония
Серебренников Артем Вадимович**

студент

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: serebren@bk.ru

В XVIII в. в европейской культуре возникает повышенный интерес к странам Востока, прежде всего мусульманского. Одной из причин этого интереса было стремление познать особенности «своего» культурного типа на фоне «чужого». По словам Э.В. Саида, «Восток – это не только сосед Европы, но еще и место расположения её самых больших, самых богатых и самых старых колоний, это исток европейских языков и цивилизаций, ее культурный соперник, а также один из наиболее глубоких и неотступных образов Другого. Кроме того, Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста собственный образ, идею, личность, опыт» [Саид 2006: 8]. Эта общеевропейская тенденция отразилась и в испанской литературе, особенно ярко проявившись в творчестве Хосе Кадальсо-и-Васкеса (1741–1782). Офицер, получивший великолепное образование и много путешествовавший по Европе, Кадальсо был открыт новейшим течениям в европейской мысли и в то же время верен традициям испанской литературы Золотого века. В «Марокканских письмах», написанных около 1774 г. и опубликованных уже после смерти автора (Кадальсо погиб 26 февраля 1782 г. при осаде Гибралтара), «европейское», «восточное» и «национальное» вступают в диалог, в котором истина не принадлежит в полной мере ни одной из сторон, а каждый из участников в равной мере пытается ее выявить.

Уже в заглавии произведения автор сознательно ориентируется на возникший в XVIII в. «восточный роман в письмах», представленный такими яркими образцами, как «Персидские письма» Ш.-Л. Де Монтескье и «Гражданин мира» О. Голдсмита. Непосредственным образцом для Кадальсо послужил французский роман, однако влияние Монтескье выходит далеко за пределы простого подражания. Известно, что отношение автора «Марокканских писем» к наследию французского просветителя было весьма противоречивым. Известен его оставшийся в рукописи памфлет «Защита испанской нации от LXXVIII персидского письма Монтескье», где Кадальсо полемизирует с восприятием Испании как отсталой, скованной отжившими обычаями и представлениями страны, воспринимая эту критику, вложенную в уста романического персонажа, как мнение самого автора. С другой стороны, Кадальсо в полной мере воспользовался найденным Монтескье методом повествования и остраненной демонстрации авторской позиции – т.е. чисто художественными открытиями французского автора.

Композиционно произведение Кадальсо делится на 90 писем, принадлежащих трем лицам: молодому марокканцу Газелю, прибывшему в Испанию с посольством и оставшимся в стране, чтобы лучше изучить ее нравы, его наставнику Бен-Белею и испанцу Нуньо, скептически взвешивающему на многие обычаи своей страны. Участники переписки делятся своими взглядами на самые разнообразные предметы – от корриды и особенностей титулования испанских дворян до исторических и культурных путей Европы в целом. «Взгляд перса», восприятие Испании носителем совершенно иной культуры становится рядом с мнением философа Нуньо, который желает отправиться в Марокко, чтобы там «беседовать с африканским мудрецом», ибо все европейские мудрецы нагоняют на него тоску. Нуньо пишет Бен-Белею: «Да хранит тебя Высшее Существо, Которое мы называем Богом, а вы – Аллахом, сотворившее Африку и Азию, Европу и Америку» [Кадальсо: 188]. Подобное отношение к Другому вдохновлено не только идеями Просвещения, но и испанской ренессансной традицией. В «Марокканских письмах» (не имеющих авторского жанрового определения) заметна традиция гуманистического диалога Возрождения, где нередко возникала тема общения с иноверцами. В частности, в диалоге «Путешествие в Турцию» (*Viaje de Turquía*, ок. 1555) путешественник, описывающий нравы Османской империи, восхищается набожностью и благородством турок; можно вспомнить и знаменитую «Повесть о Сегри и Абенсерахах», одно из

первых проявлений европейского ориентализма. Особенно важно и то, что Испания из всех европейских стран имела самый долгий опыт контактов с миром ислама, а в сознании многих философов и историков XVIII в. представлялась полувосточной страной, где царят «азиатские нравы». Таким образом, ориентализм Кададьсо опирается на богатую национальную традицию, основанную на диалогических началах.

Особо примечательно отношение автора к главному проявлению диалогического духа испанской культуры – «Дон Кихоту». В самом начале произведения Кададьсо ссылается на опыт Сервантеса в критике «порочных нравов», следуя традиционному для Испании XVIII в. восприятию его романа как сатиры на человеческое неразумие и «дурные наклонности». Однако все дальнейшее повествование говорит о том, что автор «Марокканских писем» воспринимал роман Сервантеса иначе, чем большинство его современников. В LXI письме Газель делится с Бен-Белеем своими впечатлениями о «Дон Кихоте»: «У этого народа есть книга, весьма восхваляемая всеми другими. Я прочел ее, и она мне безусловно понравилась; но меня продолжает терзать подозрение, что ее буквальный смысл – одно, а подлинный – совсем другое... Она состоит из череды сумасбродств какого-то безумца, который верит в великанов, ведьм и тому подобное, а также изречений, изрекаемых глупцом, и многих сцен порицаемых нравов; но под этим, как мне представляется, скрыто собрание глубоких и важных истин» [Кададьсо 1998: 224]. А значит, разноречие в «Марокканских письмах» непосредственно связано с полифонией романа Сервантеса.

Литература

Cadalso J. Cartas Marruecas. Noches lugubres. Edicion de Joaquin Arce. Madrid, 1998.

Сауд Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.